

Михаил Шелест

Князь Рязанский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Васильевич Шелест Князь Рязанский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70087540

SelfPub; 2023

Аннотация

Наш соотечественник вынужден скрываться в теле двенадцатилетнего княжича Михаила Телетевского – друга царевича Ивана Третьего. В прошлое он пришёл не с пустыми карманами и не с пустой головой, а потому "карьерный взлёт" у него был стремительным.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	33
Глава 3.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Михаил Шелест

Князь Рязанский

Глава 1.

– Скоро уже? – Спросил Хадис.

– Скоро, – ответил я, посмотрев на навигатор. – К речке подъедем, не переезжай. Он в кустах на той стороне. Остановишься на этом берегу. Пройдем пёхом вверх, чтобы не испугнуть. Там у него схрон. Землянка.

– Спецназовец херов, – сказал Ахмед. – Он не выходит, ты говоришь?

– Лежит... Тяжёлый... Как бы коньки не двинул.

– Щас двинет... – Ахмед ухмыльнулся мне в зеркало.

Я сидел на заднем сиденье «крузёра», посередине, держась руками за спинки передних кресел. Мотало сильно. Машина, хоть и двигалась медленно, но её кидало так, что я, порой, доставал головой стёкла дверей.

– Скорее бы уже... А то... Как бы самим не сдохнуть, от такой езды, – простонал Ахмед.

– Точно, – сказал я. – Вон ручей... У воды тормози. И двигун глуши.

Мы скатились по пологому бережку. «Крузак» встал и замолчал. Я, по инерции продолжив движение телом сначала

вперёд, а потом назад, достал два «ствола», скрестил руки, и выстрелил сразу в обоих, снизу-вверх, прострелив одному печень и сердце, другому селезёнку и лёгкое.

«Пэ Эм» машинка не очень серьёзная, да и патроны были слабые, поэтому я на одном выстреле не остановился. Хадис уже успел открыть дверь, и его тело вывалилось головой вниз из кабины. Вторая и следующие пули скользнули вдоль его тела, и одна вышла через голову, выбросив из неё что-то жидкое. Он был мёртв. Ахмед сидел, уткнувшись головой в руль, и правой рукой искал под левым плечом кобуру скрытого ношения.

Я вывалился через свою правую дверь. Открыл правую переднюю, перехватил Ахмеда за кисти рук, и выдернул из машины. Его громадное тело удивительно легко из неё выскочило.

Получив три пули в легкие, Ахмед лежал с открытыми глазами, и булькал красной пеной.

– Сука, ментовская. Говорил я Птахе, что...

Я выстрелил ему в голову, и он затих.

Сейчас надо было поискать в джипе антиугонный «жучок». Но, что-то мне подсказывало, что таких изысков в машине «вора в законе» быть не должно. Западло это. Так и оказалось. Я обыскал тела и машину. Нашёл три телефона: два смарта и один спутниковый. Спутниковый был отключён – берегли батарею. А смарты были мной заблокированы «глушилкой» еще при въезде в лес. Сейчас я достал из них

симки, и размолол на речном камне.

Всё, кроме оружия, драгоценностей и серебра, я оставил владельцам. Перетащил тела в заготовленную заранее глубокую яму, прикопал, укрыл снятыми дерном и кустом. Перекрестился. Достал флягу с водкой, и отпив из неё, тихо сказал:

– Кровь за кровь. Горите в аду, бесы.

* * *

Крови в машине не было. Даже выплеснувшаяся из головы Хадиса жижа не попала на дверь, а удобрила лесной чернотом.

Я поехал по руслу реки вверх по течению, потом свернул налево, ехал ещё долго по лесным дорогам и бездорожью. Только под вечер я вышел в нужный мне распадок.

Земля стала мягкой, влажной. Хорошо, что колёса джипа были с твердым «грязевым» протектором, и их громадные зацепы уверенно несли джип, выгребая из грязи.

Увидев знакомые ориентиры, я с облегчением вдохнул.

Остановив машину, я вылез, и взяв свою сумку, пошёл к избушке. Въезжать на территорию хозяйства Отца Михаила на мирском «бесовском» транспорте я не стал, хотя машину мою он терпел, – почти телега, а вот вертолёт не переносил физически.

Мы познакомились с ним в 1997 году, когда я в составе оперативно-следственной группы, расследовал гибель в авиакатастрофе комиссии по учёту лесного хозяйства, и, в

том числе, одного большого краевого начальника. Ан-2, с представителями лесхоза и администрации края, упал недалеко от избышки Михаила, зацепившись в тумане за вершину сопки.

Вертолёт с нашей группой приземлился на поляну, которая оказалась огородом Михаила. Велико же было наше удивление, когда нам на встречу из тайги выбежал косматый дед с деревянными вилами и загнал нас обратно в вертолёт. Только несколько выстрелов в воздух из дробовика вертолётчиков, отпугнули его и позволили нам выйти.

Мы сначала приняли его за старовера. Документов у него не было. И что это такое, по его словам, он не знал. Мы его потом попытались вывезти на «большую землю» для опознания, но вертолётчики категорически были против, так, как вертолёт был и так сильно перегружен вещдоками и телами погибших. А лететь вторично за каким-то бомжом, никто не хотел. Мы его сфотографировали, взяли «пальчики» и оставили в покое.

Работал с ним я, так как был в группе единственным опером. «Покачав» его, я засомневался в его вменяемости. Говорил он на каком-то мало понятном мне русском языке. Его речь перемежалась ненужными, по-моему, междометиями и обращениями к духам и богам.

После того, как мы вернулись, я проверил его пальцы по учетам, нигде их не обнаружил, ни у нас, ни в центральном «Папилоне», и забыл про него на десять лет.

В 2007 году мы летели над этим районом тайги и я, вдруг увидев, знакомую поляну, и всё вспомнив, попросил друзей опуститься на неё, объяснив, что там живёт старовер, и мне хочется его проведать. Вертолёт опустился, я нерешительно вышел из него, и никого не встретив, пошёл в избушку к Михаилу. Мужики шли следом.

Хозяйство Михаила было запущено, а сам дед лежал в доме, под медвежьей шкурой и тяжело дышал.

– Ты что, дед, заболел? – Спросил я.

– Отхожу, – сказал он и закашлялся. Из груди его вырывались хрипы.

– Чего вдруг?

– Огневица в груди. Нет у меня трав от неё.

Я оглянулся на друзей. Мы все были уставшие, набродились по тайге с утра, и в глазах каждого я увидел мечту о теплом сухом жилище на нашей базе на Улунге.

– Мужики, я останусь тут. Подлечу, бедолагу. А вы забереёте меня через неделю.

– Да ты что, Мишаня? Давай лучше его с собой заберём, на базу?

– А там что? Врач, что ли есть? Аптечка у меня с собой. Там антибиотики. Через неделю, если ему лучше не станет, заберём с собой на Большую Землю.

Я забрал свои вещи с аптечкой, а мужики улетели.

Через неделю Михаил уже ходил, и кашель его был не таким страшным. Он смирился с тем, что ему приходится при-

нимать «бесовские» порошки. Сумамед действовал. На вторые сутки, когда у деда появилась мокрота с прожилками крови, я стал ему давать отхаркивающие травяные настои. А когда пришла пора улетать, оставил ему противовирусные и антигистаминные средства, разложив их по дням.

За эту неделю я узнал про деда жутко интересные вещи, которые до сих пор с трудом укладываются у меня в голове. Как я понял, Михаил был пришельцем из пятнадцатого столетия. Из времени князей Василия Васильевича, и Ивана Третьего.

Пятнадцатилетний тогда «дед» Михаил, был приставлен к двенадцатилетнему Ивану. Перед венчанием Ивана на дочери князя Бориса Тверского Марии, Михаил ушёл из того мира.

Ушел он довольно необычным способом. Нашёл ведуна, объяснил ему, что хочет уйти из этой жизни по причине неудачной любви, и попросил у него отравное зелье. Ведун зелье и написанное на бересте заклятье дал, но предупредил, что оно действует два раза. Используя его вторично, можно вернуться обратно.

– Я даже удивился, – сказал Михаил. – Зачем мне два, когда мне хватит и одного раза. – Он засмеялся. – И возвращаться «оттуда» я не собирался... Выпил зелье, прочитал заклятье..., а очутился здесь. И живу здесь уже пятьдесят лет. Людей до вашего прихода не видел. Бог миловал.

– Да, как же тебя не только во времени, но и от Москвы

так далеко закинуло?

– Уж сильно я хотел далеко уйти, наверное.

– Ну и как, не хотелось потом вернуться?

– Попервой хотелось, но потом передумал. Я с малолетства думал в скит уйти и отдать себя Богу. А тут... Тут поваленные деревья были. Пожег их. Засадил на лядо1 полбы. Как раз мне целый пуд дали на пропитание. Полба уродилась сам двадцать. И щас неплохо родит. Мне хватат... Поставил себе избушку. Живу. Молюсь. В ручье рыбы полно. Корешки, травка, ягодки. Ловушки на зверьков ставлю. В засеку кабан, олень заходят.

– Не покажешь зелье? – Прервал я его.

– А штож не показать, гляди.

Он вытащил из-за печи тряпицу, развернул её и достал скрученную в трубку сухую бересту, а из неё вытряхнул стеклянный флакон из мутного стекла, похожий на маленькую флягу, укупоренный пробкой. Всё это он передал мне.

Бересту я разворачивать не стал, понял, что сломается, но увидел внутри её нацарапанные буквы. Посмотрев вопросительно на Михаила, я взялся за пробку флакона. Михаил молча смотрел на меня. Глаза мне его нравились. Даже во время болезни они светились добротой и весёлыми искорками.

Я с трудом выкрутил плотно притёртую пробку и поднёс горло фляги к носу. Зелье было пряным, и остро шибануло в нос. Запах был приятным. И булькало там ещё прилично. Я

звернул пробку на место и вернул флягу вместе с берестой деду.

На том мы тогда и расстались.

Я приезжал к нему почти ежегодно. Мы осенью летали на рыбалку самолётами Дальнереченского авиаотряда на приток Бикина речку Улунгу, а потом здесь перемещались на вертолёте и лодках.

Я внимательно слушал его рассказы о прошлом. За его пятнадцать лет, он прошёл и войны, и, как говорил наш юморист, ещё более тяжёлое мирное время. Меня интересовало боевое искусство, и мы с ним немного фехтовали на палках. В его шестьдесят пять, он имел крепкую руку. Я тоже был мужиком нехилым, неплохо знал финты, типа восьмёрок «стиля дракона», и мы тогда весело проводили время.

* * *

Сейчас у меня была очень сложная ситуация. Ещё в том году я спланировал акцию возмездия в отношении двух бандитов, убивших моего бывшего командира. А после акции решил спрятаться в прошлом. Тут меня особо ничего не держало. Я завёз деду в избушку всё, что мне может пригодиться в пятнадцатом веке. Весь год читал умные книжки по истории и прикладным наукам. Короче, готовился к переходу «за кордон» и долгой, дай Бог, жизни по чужой «легенде».

Михаил согласился отдать мне зелье с заговором, и активно участвовал в моей подготовке к перебросу: передавал мне манеру разговора и словарный запас старославянского, опи-

сывал известных ему людей, места, где он жил и побывал.

А неделю назад я вышел на «вора в законе» Хасана, и сообщил ему, что знаю, где прячется его кровник. Попросил за информацию хорошую плату серебром. Группировка Хасана контролирует незаконную добычу серебра на Дальнеморском ГОКе, и поэтому серебра у него было много.

Кровника Хасана ранили во время перестрелки, но не добили, и он ушёл. Его искали, но найти не могли. А я обещал привезти нукеров Хасана к месту его лесного схрона.

Я никогда ни на кого из бандитов не работал, взятки не брал, и об этом все, кому надо, знали. Поэтому, моё предложение бандиту сдать бандита за деньги, Хасаном воспринялось нормально. Пенсионер РУБОП решил подзаработать, а заодно «подчистить поляну». Всё логично.

Я не обманывал Хасана. Хафиз, там, куда мы ехали с нукерами Хасана, действительно прятался. И фото, с датой, временем и координатами GPS, которое я показывал Хасану, действительно я делал с живого Хафиза. Правда потом он был уже не живой, но кто об этом знал, кроме меня?

На Хафизе было так много невинных жертв, как и на Хасановских нукерах, что совесть моя была спокойна. И даже получила некоторое удовлетворение. Только сейчас надо хорошо от них прятаться. Бандиты меня будут искать пока жив хоть один родственник Хасана. Теперь уже я стал его кровником. И я нашёл, куда спрятаться.

* * *

– Буде здоров, Отче.

– И ты буде здоров, Мишаня.

Он посмотрел на меня.

– Готов?

– Вроде да.

– Дело сделал?

– Сделал. Порешил лихоимцев.

– Вот и добро. Иди одевай своё платье. Или посидим чуток?

– Нет, Отче. Неча тянуть. Мандраж начинается.

Я переоделся в заготовленную заранее одежду: шёлковые порты и рубаху, сапоги, плащ и атласный колпак, отороченный собольим мехом.

Михаил, как оказалось, был неплохим художником, и нарисовал свою одежду, в которой он ходил в молодости. По этим рисункам я и пошил себе похожую. У меня с собой были три увесистые холщёвые сумки на длинных ремнях. Одна – набитая, в основном, антибиотиками и вакцинами, вторая – «хасановским» серебром, сотней патронов, капсюлей, свинцом и порохом.

В третьей сумке была картошка и разные семена: кукуруза, арбузы, огурцы, помидоры, свёкла, морковь. Ну не мог я представить себя, жующего одну репу. Ещё у меня была стилизованная под пищаль «вертикалка» с нижним нарезным стволом, оптика к ней, сабелька деда Михаила и его же плеть. Как не странно, и то-и то в неплохом состоянии.

Я весь год гонял вес, но до размера пятнадцатилетнего парня, хоть и набравшего уже стать и вес, всё равно не спустился. Одежда сдавливала меня нещадно, хотя и рассчитывалась на свободную носку.

– Всё, Отче, не могу больше. Прощаемся.

Мы обнялись. Он заглянул мне в глаза. Перекрестил двуперстно, передал мне флягу и бересту, распаренную над кипящим горшком.

– С Богом. Не посрами имя мое, Мишаня.

Я прочитал заклятие и сделал глоток из фляги.

* * *

Яркое солнце ударило в глаза, а уличный шум и гам в уши. Я сразу присел, под весом в несколько пудов. Пятнадцатилетнее тело, не было готово к таким перегрузкам.

Я стоял на улице перед воротами двора ведуна, отправившего Михаила в «иной мир», с флягой в одной руке и берестой, в другой. Сумки и оружие были при мне. Одежда сидела справно. Нигде не давила. Я уложил бересту и флягу в козлу. Потом, поставив сумки на землю и сбросив лямки, я забарабанил кулаком в ворота.

– Открывай, – закричал я юношеским тенором.

– Кого несёт опять!? – Послышался голос из-за ворот. Ведун был попутно и лекарем, посему, двор имел небедный.

– Сын боярский Михаил. Отворяй, собака.

– Ох, лышенько, – забормотали за забором, и ворота, скрипнув, отворились.

Я с трудом втянул сумки во двор, сказал: «Покарауль добро княжеское», и поднявшись на крыльцо, вошёл в клеть. Там на широкой, покрытой тюфяком, скамье у окна сидел дедок с бородой до колен, конец которой был заплетен в три косицы, а его седые волосы на лбу были прибраны красной ленточкой.

– Чего вернулся? Дороги не будет.

– Я не вернулся, а обернулся, – сказал я, кланяясь и крестясь на иконы. – Встречай странника, отче.

– Та не уж-то уже? Вернулся?

Старичок шустро соскочил со скамьи, подбежал и засеменил босыми ногами вокруг меня. Потом остановился передо мной и заглянул в глаза. Охнул, и слегка присев, стал креститься.

– Ты ли это, боярич? Совсем другой стал. На вид – тот же, но внутри...

– Пять десятков лет там прожил, отче.

– Ох, – вскрикнул Старец и, вернувшись к скамье, присел. – Ничего не говори мне, про то место, не рассказывай. Свят, свят, свят, – сказал он, и опять несколько раз перекрестился.

Я со смехом сказал:

– Сам отправляешь в края дальние, а сам крестишься,

– Никто ещё не возвращался. Хоть наш там мир?

– Наш, отче, не испоганил я душу.

– Слава тебе, Боже Правый. Говори, что пришёл? С во-

просом, бедой или...?

– Поблагодарить пришёл, – сказал я и достал из мошны рубль. – Возьми, не побрезгуй. Когда давал зелье, не стал брать. Сейчас возьми. Набрался я там уму-разуму, остыл. Стал жизнь ценить. Я там один в лесу, все эти годы жил. Молился.

– То-то у тебя глаз глубокий стал, как бездонный колодезь. Спаси Бог, – сказал он беря у меня из рук серебряный стержень.

– Я попросить тебя хотел. Оставлю я у тебя свои сумы. Не дотащу всё до хором своих. Пришлю людишек с подводой, або сам приеду.

– Чо за сумы?

– Да вон, у ворот стоят, – показал я сквозь раскрытую дверь.

Старик выглянул в дверной проём, и еле внятно забормотал:

– Уволь, боярич, я дам тебе подводу. Не хочу брать грех на душу. Не искушай. Не оставляй мешки. Страшные они.

– Хорошо, отче. Давай подводу, и поеду я.

– Выпей квасу, пока я укажу сынам. Вон жбан с квасом, – показал он на стоящую в углу на колоде деревянную кадку, – а вон ковш – показал он на стол.

Старик выбежал во двор, и я услышал его покрикивания на сыновей. Я сидел и осматривал комнату. Прямо напротив входа была открытая дверь в сени, далее виднелась тяжёлая

низкая дверь, ведущая в избу, догадался я.

– Зажиточно живет лекарь, – подумал я, и набрал квасу. Квас был кислый. Едва отпив его, я почувствовал, как вспучило живот.

– Всё, езжай с Богом, – сказал зашедши ведун.

– Бывай, – сказал я, выходя на двор.

Во дворе стояла запряженная телега с моими сумками.

– Куда везти, боярин? – Спросил возница, дождавшись, пока я залезу в телегу, и тронув её с места.

– На подворье боярина Патрикеева. Знаешь?

– Как не знать воеводу нашего? Но, пошла! – Резко крикнул он. Подвода сильно дёрнувшись, выехала из ворот и ухнула одним колесом в лужу, испугнув гусей. Я едва успел поднять ноги.

Возница щёлкнул кнутом, и повозка вырвалась из густой грязи, брызнув с колёс коричневым фейерверком, потом бодро развернулась направо, и покатила по улице.

Москва пятнадцатого века умещалась вся, вместе с княжескими постройками, в треугольнике двух рек, в месте слияния Неглинной в Москву-реку. Мы ехали между домов, тянувшихся вдоль берега Неглинной и крепостным валом с порушенным частоколом. То там, то тут виднелись следы пожарищ. Многие дома были собраны из обугленных и чистых брёвен вперемежку. Домишки маленькие. Дворы и хозяйства небольшие.

Мы доехали до моста и повернули налево, выезжая на до-

рогу, ведущую через ворота за городской вал, и вливаясь в общий поток людей и повозок. Впереди, у ворот, я увидел парня моих лет, также неплохо одетого, и шарящего взглядом по толпе. По описанию Отца Михаила я узнал «своего» друга и соперника Петьку, сына Тверского боярина Бороздина. Петька, увидев меня, едущего на подводе, заорал:

– Михась, ты чо на подводе? Я тебя жду, жду. Нам же ещё к Ивану Василичу. Опоздаем, быть битыми.

– Не посмеют, – буркнул я, спрыгивая в грязь между двух луж. – Мы с тобой дети боярские, вои. Да и не служим князю московскому. Война закончена. Домой скоро.

– Ага, нашему воеводе отдадут, а он по «отечески» шкуру спустит. Нам батьки слушаться его велели.

– Не боися. Успеем. Щас сумы в свою клетушку отнесу и пойдём к Ивану.

– А что в суммах? Где взял?

– Батька прислал из дома денег немного и одежонку. Вон пищаль какую литвинскую мне подарил.

– Накой она тебе? Конному не сподручно с такой дурой управляться. – Но глаза его завистливо заблестели. – Даш стрельнуть? – С ударением на последнем слогe спросил Петька.

– Дам, если поможешь сумы затянуть, – буркнул я, зная от Деда Михаила, что Петька с самого утра этого дня мучил его, дразня «жинихом» без невесты, зная моё отношение к предстоящему завтра венчанию.

Михаил ещё раньше, когда они только встретились тут в Московии, рассказал Петьке, про свои чувства к Марии. С тех пор жалел о том неоднократно. Лупил Петьку нещадно, но тот своё издевательство не прекращал.

По словам Деда Михаила, он задумывал втихаря убить Князя Ивана в пылу сражений вокруг устюжской крепости, но Ивана так плотно охраняли тверские бояре, что без ущерба самому себе, убить его было нельзя. Потом он сблизился с Иваном. Тому нравился высокий, широкий в кости и крепкий Михаил, который в свои пятнадцать лет уже выглядел настоящим воином, и участвовал в наскоках на крепость со своей сотней.

Иван, в свои двенадцать и выглядел на двенадцать. Низкорослый, тонкокостный, стройный, как девчонка, он даже не пытался проявить себя в сражении, а сидел в шатре, окружённый охраной.

После небольшого ранения в правую руку, Михаил отвёл свою сотню в лагерь княжича и вошел в охрану Ивана. Кокшенгу взяли без него. Все бояре, окружавшие Ивана, бросились в крепость, и был момент, когда Михаил мог бы исполнить свой злой умысел, но к тому времени, он близко сошёлся с Иваном и на злодейство не решился.

Иван не был вредным. Он искренне восхищался Михаилом, заглядывая ему в глаза расспрашивал о сражениях, и у того не поднялась рука на своего «друга». Эти двойственные чувства и направили его ноги к волхву за отравным зельем.

Сейчас от своей любви Михаил, благодаря мне, «избавился». Я дышал абсолютно ровно в сторону всех девиц этого мира. Хотя женоненавистником я не был, но жизнь меня научила, что любая женщина, это для мужика только проблема. Для себя я решил давно, что женщины – это цветы. Хочешь себе в дом цветов, – бери, холь, лелей и радуйся, но не ожидай ничего взамен.

Мы шли рядом с телегой по обе её стороны, и Петька опять заныл про «жениха» и «невесту».

– Слушай, Петух, я тебе говорил, что убью тебя?

– Говорил. Много раз.

– И ты мне не веришь?

– Не а, – захихикал он.

– А ты думаешь, зачем мне батька пищать прислал? Стрельну тебя, а потом скажу, что ты сам, по дури своей... При зарядании порох иногда сам взрывается, если его шомполом сильно пыжевать. Вот шомполом я тебя и стрельну. Прямо в глаз. Если не отстанешь. И запомни... Мария – жёнка князя Московского. Это решено, и никому не изменить. Мне чужая жёнка не нать. Других вон сколько ходит, – махнул я рукой. Батька мне присватал дочку боярина Тишина. Знаешь такую?

– Слышал... Красивая, бают.

– А слышал, что после венчания, Великий князь Василий берет Ивана своим соправителем? И вотчину ему уже выделил – Переяславль-Залесский. Иван зовет меня к себе бо-

ярином. Вот... Думаю, пока.

– Ну, ты?

– Вот тебе и «ну ты». Мне Иван предложил его дружкой быть на венчании. Потому и ждут меня там. А ты, где будешь? На площади перед церковью стоять? Либо в хороводе ходить? Тебе дружить со мной надо, тогда, может и за тебя я слово молвлю Ивану.

– Мы, бояре Тверские...

– Безземельные, – добавил я, усмехнувшись.

Тем временем мы подъехали к подворью боярина Патрикеева, московского воеводы и давнего друга отца Михаила.

– Помоги мне сумы донести, – приказал я Петьке и взял «лёгкую» сумку. Тот сначала взъерепенился, но глянув в мои глаза, потянул лямку.

– Там камни, чоли? – Он попытался открыть сумку, но наткнувшись на княжеские сургучные печати, отдернул руку.

– Свинец к пищали и порох.

Мы кое как сняли сумки с телеги, и застучали в свежеструганные ворота.

– Отворяй!

– Кто стучит?

– Михаил, сын боярина Телятевского.

Открылось небольшое оконце, и в него выглянул привратник.

– А, Михаил? Заходи, – сказал он, открывая небольшую дверцу в воротах. – Тут тебя людишки князя Ивана спраши-

вали.

– Знаю. Вещи токма положу и уйду. Не запирай на засов.

– Не положено, – сказал привратник, закрыл дверь и, с помощью напарника, задвинул дубовый засов, перекрывавший ворота во всю их ширину. – И ты тут, Пётр? Здрав будь.

– И ты будь здрав, Никита.

С трудом взобравшись на высокое крыльцо подклети, мы втащили мешки в мою горницу, и сунули вместе с пищалью под лавку.

– Пошли, – сказал я Петру.

Через некоторое время мы уже стояли у ворот двора Великого Князя Московского.

– Что надо? – Спросил привратник.

– По велению князя Ивана Васильевича, Боярский сын Михаил Телятевский прибыл ко двору.

– Проходи, а это кто с тобой?

– Боярский сын Пётр Бороздин, – сказал Петька.

– Не велено, – коротко бросил привратник, и затворил перед Петром ворота. – Пройди в привратную службу, – показал он мне копьём слева от меня в одноэтажное строение.

Войдя в длинное помещение типа казармы, с галдящими без дела стражниками, я снова доложил дежурному.

– А! Уже искать послали гонца. Кузьма, – крикнул он, – проводи до палат князя Ивана.

Мы вышли во двор и пошли вдоль казармы, к стоящему терему. Дальше меня передавали от одного стражника – дру-

гому, пока не довели до княжеских палат, у которых стояли два громадных копейщика. Когда один из них докладывал о моём прибытии, он заглядывал в дверь, едва не склонившись в пояс, хотя я в дверь вошёл, чуть склонив голову.

– Здрав будь, Великий Князь.

– И ты будь здоров, Михаил, – сказал Иван. – Не рано ты меня величаешь?

– Так слух ходит, что батюшка твой Василий в соправители тебя берёт.

– Кто так говорит? – Хмуро спросил Иван.

– А разве не так?

– Так, да не так. Не дано то знать людишкам пока. Не объявлено указом княжеским. Только мне он вчера сказал, в вечеру. А ты, как смог узнать?

Я лихорадочно перебирал варианты. Упав на колени, и склонив голову, произнёс слышанную ранее в фильмах фразу:

– Не вели казнить, князь, во сне привиделось. Попутал с явью.

– Встань с колен, Михась, – уже совсем другим тоном сказал Иван. – А что за сон, скажи.

– Снилось, что правишь ты Переславлем-Залесским и называешься Великим Князем Московским, как и твой батюшка, дай Бог ему здравие. Ещё снилось, что скоро мы с тобой пойдём воевать татар хана Саид-Ахмада и ты победишь его в 69632 лете.

Иван изумлённо смотрел на меня. Потом сглотнул слюну и сказал:

– Ты ведун, чоли?

– Не было такого у меня ранее. Сегодня первой привиделось. И ещё привиделась Москва с Кремлём красным кирпичным и храмы белокаменные с золотыми маковками. Лепо-о-о!

В другую дверь зашёл Великий Князь Василий. Его под руки вели двое постельничих. Следом за князем в палату внесли деревянное кресло с подушками, и он сел в него.

– Батюшка, слыш, что Михась Телятевский сказывает. Татары на нас через три лета нападут.

– Так они постоянно нападают, – усмехнулся Василий. – Пока не должны. Мы им еще залог, мной обещанный, не отдали.

– Так мож от этого и нападут? – Вставил я.

– Хе-хе, – захихикал Василий, – Ну, Михась... Ты где? Подходи ко мне.

– Тут я, – подойдя к нему и падая в ноги сказал я.

– Ты пошто, князю сказки сказываешь? Али умысел какой таишь?

– Сон рассказал, князь батюшка, что возьмёшь его в соправители, и дашь на княжение Переславль, что Залесский. Ещё кремль видел красным кирпичом выложенный с башнями высокими, и соборами белокаменными с золотыми куполами, – повторил я «сон».

– Ишь ты... мал вроде хитрости плести, и нет у тебя тут никого, кто бы надоумил, кроме воеводы, но и тот не знает, что указ я уже подписал о соуправлении. Писец? Так вроде он со мной всегда рядом...

Он нащупал одного из постельничих.

– Ты тут, Артишка?

– Тут я, батюшка.

– Вишь, што глаголит малец... Сколько жить буду не видел? – Обратился он ко мне.

– Видел, батюшка. Долго.

– Спасибо и на том. В провидцы тебя записать? При дворе моём?

– Упаси Бог, Великий Князь. Какой с меня провидец? Раз что-то мнилось, а будет ли далее? Если что привидится, я сыну вашему Князю Ивану Васильевичу скажу. Я хочу во-ем стать знатным и служить Руси нашей. Татарву и литвин с немцами побить всех.

– Поди сюда, воин, – он вытянул в мою сторону руки и, когда я встал, провёл ими по моей голове, лицу, плечам, рукам. – Ладный ты. Будет из тебя добрый воевода. Служи пока князю своему Тверскому Борису. Мы с ним вместе. Пока. А там видно будет.

– Батюшка, он завтра дружкой моим будет, ты помнишь? Ты обещал мне.

Василий поморщился.

– Так сватал Марию я тебе...

– Не гоже тебе дружкой быть

– Молод он. Да и обряда не знает, поди?

– Знаю, Царь батюшка, – вырвалось у меня.

– Как ты сказал? Царь? Кто сказал? Опять, скажешь, во сне видел.

– Так и есть... Вырвалось с языка. Не по моей воле, государ.

– Ты где это... слышал? Молод ещё. Научам обучен? – Возбуждённо спрашивал Василий.

– Самую малость. Счёту, да письму. Но читал много книг греческих. Там цезари, кесари упоминаются. Вот и вырвалось – цар.

– Ты, говори, но не заговаривайся, – грозно сказал Великий Князь, – Кесарю – кесарево, а князю... – Потом прервал себя и милостиво добавил, – Пусть будет дружкой, коль такой грамотный. Ванятка, поди ко мне.

Иван подошёл к Василию. Я отошёл в сторону.

– Взрослый ты становишься. Тяжёлая ноша на тебя ляжет. Тяжело земли собирать в единую силу. Много недовольных будет, жадных и завистливых. Мой век короток. Хоть и нагадал мне твой ведун, – он усмехнулся, – но... Пока вместе править будем. Помогу тебе. Учись воевать. Без войны нет мира. Тебе бы таких, как этот Михась с десятков, но... – опять замолчал он. Потом повернулся в сторону меня, сказал:

– Вот победишь хана Саид-Ахмада, – дам тебе московское боярство и вотчину хорошую. – Князь засмеялся, но вдруг,

прервал смех и спросил:

– Через три года, говоришь? Сколько тебе лет будет?

– Осмнадцать.

– У-у-у... Самый сок. Я сказал, ты услышал. А пока рядом с Иваном будь. Я договорюсь с князем Борисом. Да, – вспомнил он, – говорят ты к Марии неровно дышишь? Так ли это?

Я вдруг вспыхнул так, что думал опалю его огнём. Мне то чего? С каких...?

– По детству было, Великий Князь. Сейчас другая по нраву, хочу сватов засылать. Но к Марии отношусь очень хорошо. Она славная была по малолетству. – Я улыбнулся.

– Это хорошо. Будешь их обоих охранять. Как, Ванятка, сгодится тебе такой дружка?

– Сгодиться, батюшка, – Иван запрыгал.

– Ну-ну, – сказал князь, будто всё видя, – не гоже тебе... козловать.

Иван оглянулся на меня, смутившись, но потом подмигнул и заговорщицки потёр ладони.

– Ты отдай его своим дядькам, пусть научат обряду венчания. В церкви, там попы сами разберутся, а наше народное, надо соблюсти по кону.

– Шас позову и пусть учат. Мне тоже интересно и знать надо. – И Иван умчался в дверь, ведущую в великокняжеские покои.

– Вот и ладно, – сказал Князь Василий. Потом, помолчав

немного, добавил, – Ты, Михаил сын Фёдора унаследуешь маленький городок в Твери. Отец твой, слышал я, совсем плох. Сколько там дворов? Двадцать? И всё хозяйство. Держись Ивана. Помогай ему, и тебе прибудет. Про боярство московское – не шутил. Но прежде... – Он подозвал меня ближе и сделал движение слугам, чтобы отошли дальше, потом продолжил, – прежде доделать дело надо. Пока Шемяка жив, не будет покоя на Руси. И Новгород его считает Великим Князем Московским. Разве это дело?

Он опять положил свои ладони мне на плечи и, притянув к себе, зашептал в левое ухо:

– Извести его надо. Если сделаешь, получишь Рузу и Дмитров.

– Сам думал, что дальше делать с Шемякой. Новгород брать пока не с руки...

– Пока? – Слегка отшатнулся Василий.

– Пока, – повторил с нажимом я, и продолжил, – посему, полагаю, это единственный ход, успокоить Русь. Только подобраться к нему... Есть мыслишка одна... Не знаю, одобришь ли?

– Скажи, услышу, – прошептал князь.

– Я поеду в Новгород, найду Шемяку и скажу, что ты просил его убить.

Василий отшатнулся, но я, взяв его кисть, и слегка сжав её, успокоил его.

– Скажу, что ты приказал его убить, – поправил себя я, –

но я, влюблённый в Марию, готов убить и тебя, князь, и сына твоего князя Ивана, если Шемяка даст мне боярство и вотчины. Если я завтра проведу обряд венчания, они поймут, что я очень близок к вам, и могут поверить.

Переведя дух, я продолжил:

– Разговор с Шемякой будет очень близким, как с тобой сейчас, – сказал я, и притянул князя за локти чуть-чуть к себе. По его телу пробежала дрожь, он попытался вырваться, но я успокоил его.

– Я твой, Князь, от кончиков пальцев до кончиков волос. Верь мне.

– Я верю тебе. Продолжай.

– Во время разговора, я смогу убить его. Как? Это моё дело. Только ты, Великий Князь не верь никаким наветам про меня. Ты же понимаешь, я могу позволить себе всякие вольности в разговоре, по отношению и к тебе, и к твоей семье.

– Я понимаю, тебя. Жаль, что я не могу видеть тебя, Михаил. Ты сильно удивил меня. Давно меня так никто не удивлял...

В дверь вбежал Иван.

– Дядьки... Идут, – через паузу сказал он, увидев в нашем разговоре напряженность. – Что это вы... такие?

– Учю твоего дружку, как татар воевать.

– На нём лица нет, – сказал Иван.

* * *

Я был на ногах до вторых петухов. Мне отвели светёлку

рядом с покоем Ивана и заутреннюю молитву мы провели вместе тут же в часовне. С нами молился Великий Князь и вся его дворня.

Обряд я провел без сучка и задоринки. Вскоре после заутрени, после умывания и одевания, с третьими петухами, я отправился пешком к хоромам княгини Марии. Там меня встретила её подружка и мы обменялись с ней дарами. Предупредив о скором приезде жениха, мы встали с ней на крыльцо, стали ждать.

Выше на крыльце стояла дворня княгини, мамки и няньки. Все они дружно голосили, про лебёдушку и ясна сокола на разные мотивы, но с одним смыслом. Девки подтрунивали надо мной и пытались вывести.

Когда из-за угла княжих хором вышел поезд жениха, тоже с песнями, украшенный лентами на длинных шестах и бросаемыми на жениха, периодически, цветами, мамки заголосили громче. Я был удивлён, но плакали они на полном серьёзе. Слёзы лились ручьями. Встретив жениха и приняв от него дары невесте, я с глубоким поклоном передал их, но так как дары умещались в двух сундуках, от мамок выскочили четыре дебелих тётки и, отобрав у молодцев сундуки, бодро затащили их в хоромы.

Дальше пошли торги с подружкой и с мамками за «честь девичью». Мы сначала предлагали один ларец, потом два, но бабы успокоились на пяти ларцах, куче платьев и лент. После этого жених был допущен в покои невесты.

Мария стояла укрытая белым парчовым покрывалом, и смотрела на нас через узкие вертикальные прорези для глаз. Вокруг неё ходил и пел девичий хоровод, в который постепенно входили «друзья» жениха. Это были боярские дети Московского и Тверского княжеств. Петька был тут же. Он ходил, важно вышагивая аистом, высоко поднимая колени, сильно выпятив грудь.

Потом в круг хоровода прошёл с венцом Иван. Мария поклонилась ему в пояс, и он надел венок Марии на голову. Иван поклонился, и Мария надела венок на голову Ивану. Мамки голосить перестали. Жених и невеста поклонились гостям и пригласили всех на пир. Все сразу и громко загомонили. Двери палаты распахнулись и все прошли за женихом и невестой в большой столовый зал.

Примерно через час питья и здравниц, я поднялся и пригласил всех пройти в храм для божественного венчания. Все присутствующие вышли вслед за женихом и невестой из хором княгини и пошли в собор Спаса на Бору, который стоял буквально напротив выхода из палат княгини метрах в стах.

После причащения и литургии, молодоженов обвенчали. Под звон колоколов мы вышли из собора и через людской коридор прошли в хоромы Князя Ивана, где начался настоящий пир. Мария сидела всё ещё укрытая покрывалом. И она, и он не прикасались к трапезе, а вокруг них глумились гости предлагая откусать или отпить.

Я незаметно пинал мужиков по ногам и щипал девок за

разные места. Хотя, в таких, как у них нарядах... добратъся до больного места было проблематично. Но я добирался. Меня обзывали охальником и весело смеялись. Некоторые подходили вторично, блестя на меня масличными глазами.

— Как бы не заставили жениться, — подумал я весело.

Под вечер молодых отвели в разные опочивальни. По малолетству. До пятнадцати лет совокупление запрещалось. Первым в опочивальни входил я, и несколько раз ударял по постели кнутом, отгоняя нечистую силу. Молодых оставили одних, а я за дверью остался охранять их покой. Вместе с няньками и дядьками. В этой комнате стоял стол, уставленный едой и квасом, хмельного нам не полагалось, и узкая скамья, чтобы мы не уснули.

Надо было дожидаться третьих петухов

Глава 2.

Я ехал в Новгород по заданию Великого Князя. Но сначала мне надо было заехать в Тверь к отцу. По официальной версии Великий Князь отпустил меня проводить сильно хворавшего отца, который находился не в своих вотчинных землях, а в Твери. Ехал я верхом, со всей своей сотней.

Стояла середина лета. Дорога была прекрасная. Плотная утоптанная и укатанная высохшая глина была не хуже, а лучше наших асфальтов. Дорога из Москвы в Новгород через Тверь, сейчас была основным торговым путём Москвы. Если раньше весь товар: меха и сельскохозяйственные продукты шёл на Крымский полуостров в итальянские колонии, то сейчас, после захвата Тавриды и Константинополя турками, московские товары потекли только через Новгород. Поэтому дорога была оживлённой. И безопасной. Если с тобой сотня добрых молодцев.

Двести верст по такой дороге, да в две лошади – два дня пути. Правда пыль из-под копыт раздражала, но я приказал сотне растянуться, и мы не мешали друг-другу.

Ничего существенного в дороге не произошло.

Отец Михаила, а теперь и мой, проживал сейчас на подворье Тверского князя Бориса, который был сейчас в Москве. Туда я и направился, распустив свою сотню, которая с гиканьем и свистом, рассыпалась по городу, пообещав завтра на

зорьке быть у Владимирских ворот.

* * *

— Здрав будь, батюшка, — тихо сказал я, зайдя в темную комнатку с единственным мутным небольшим оконцем. Глаза со свету ничего не видели.

— Ты ли это, Михасик?

— Я батюшка, — сказал я, и у меня потекли слёзы из глаз, — не вижу тебя.

Я распахнул дверь, и в конусе её света увидел лежанку, а на ней сухонького старика в холщёвой рубашке, смотрящего в мою сторону. Я быстро подошел к нему, и опустился на колени, склонив к нему голову. Отец положил мне на голову руку. Она была тяжёлая и холодная.

— Я вам снадобья принес, надо выпить, — сказал я, доставая из сумы флягу.

Положив флягу на пол, я помог князю сесть. Он был совсем лёгким.

— Подними меня, я встану. Хочу обнять тебя. Прижать к груди.

Я поднял его, поставив на ноги. Он, оставив у меня на шее свои руки, выпрямился.

— Какой ты... крепкий у меня уродился.

— Так и вы не маленький были, батюшка. Это сейчас... совсем... Садитесь выпейте отвар. Специально для вас лекарь готовил.

— Ох сколько я уже всего выпил...

Я дал ему флягу.

– Надо выпить всё.

Он выпил.

– Хороший вар. На зверобой похож.

– Я вам, батюшка, оставлю порошки. Они в этой сумке.

Пейте по одному в день. Я дён через двадцать вернусь. А может ранее. И заберу с собой в Московию. Неча тут тебе...

Одному. – И я опять заревел.

– Будя-будя, паря. Ты чо, как маленький? Чему быть...

– он закашлялся нормальным туберкулёзным кашлем, который я видел только в фильмах про революционеров, болевших чахоткой.

– Ты дождись меня, – я не заметил, как перешёл на «ты».

– А ты бы рассказал... как воевал, Михась.

– Ты не видел войны, чоли? – Забубнил я.

Остаться в заполненном палочкой Коха помещении мне не улыбалось, хоть я и был привит от туберкулёза, но физически ощущал, как эта палочка переполняет меня. А потом, я вдруг понял страшное. Это, я «тот» привит, а «этот я» не привит. Внутри похолодело.

– Всё, батяня, сотня ждёт. Приеду скоро. Прощевай, – сказал я, и пулей вылетел из комнаты, прикрыв дверь.

– Вот балбес. У меня же есть вакцина, а я, как последний... лох... Надо срочно... – бормотал я спускаясь по ступеням каменного дворца во двор.

Но моя вакцина была в Москве. Тут, только самое необ-

ходимое.

Найдя княжеского ключника, я передал ему грамотку, скреплённую печатью Князя Бориса, в которой черным по белому было сказано, что боярина Фёдора Телятевского переложить в самую светлую, и чистую комнату. Кормить, как князя Бориса, и давать снадобья, переданные ему сыном его Михаилом.

После свадьбы его дочери и Ивана Васильевича, оба Великих Князя мне благоволили.

Я думал переночевать здесь же, но сейчас это было невозможно, и я пошёл со двора, ведя своего коня под уздцы. Недалеко от княжьего двора была корчма с постоянным двором. Я это знал, потому, что пятеро бойцов из моей сотни, решили остановиться в нём. Стукнув в ворота, и войдя в них никого не встретив, я накинул на коновязь повод, и вошел в корчму.

Внутри было душно и пьяно. Своих я заметил сразу. Они сидели в левом дальнем углу, возле жаровни, в которой на вертеле жарилось сразу три поросёнка. Они меня сразу не заметили, а когда один из них пошел на выход по малой нужде, и увидел меня, я приложил палец к своим губам, и подмигнул ему. Он, пьяно ухмыльнулся и прошёл мимо.

Я сидел сразу у входа справа возле двери за одним столом с группой из трёх человек, уже достаточно нагрузившихся пивом и водкой. Зал кабака был почти заполнен. Прошло уже с полчаса, как вдруг за моей спиной раскрылась дверь.

В кабак вошли, и остались стоять.

Моя спина зачесалась, и я оглянулся. В дверях стоял бо-
ярин лет сорока, богато одетый. Он увидел мой взгляд, и ух-
мыльнулся.

– А-а-а, вот ты где, щеня.

Я удивлённо поднял брови и вгляделся в него, пытаюсь
вспомнить описания Отшельника. На ум ничего не шло.

– Что, не помнишь меня? Да и где тебе меня помнить...

– Ты кто? – Спросил я.

– Я кто?! – Он громко и раскатисто заржал, – я князь Ми-
кулинский, слышал?

– Слышать – слышал, но зачем плевать то? – Сказал я,
доставая платок и вызываясь медленно обтёр лицо.

Я вспомнил рассказ Деда, про их соседа, Бориса Алексан-
дровича, и про его давний земельный спор с отцом Михаила.

– Да ты... – поперхнулся он слюной, – Сопля Фёдоров-
ская.

Он потянул ко мне правую руку, но я, круговым движе-
нием, ткнул его внешним сгибом большого пальца левой руки
по внешней стороне кисти, и он вскрикнул. Морщась от бо-
ли и потирая руку, он смотрел на меня.

– Вырос, значит, – ухмыльнулся он, – так может, на кулач-
ки? – С надеждой в голосе спросил он, оглядывая зал. Питу-
хи молча наблюдали за нами. В корчме стихло.

– А что, может и спор земельный, заодно, решим? – Спро-
сил он, пренебрежительно осматривая меня сверху вниз. Он

был выше меня на голову. – Или забздишь, сотник, херов.

Я услышал, как мои бойцы зашевелились в своём углу, и боясь, что они вспугнут добычу, сказал:

– В «поле»? Свалка-цеплялка?

Князь радостно и облегчённо выдохнул, и сказал:

– Все слышали? Княжич вызвал меня в «поле» на свалку-цеплялку.

В кабаке загомонили.

– Так, какой уговор? – Спросил я.

– Какой спор, такой и уговор. Ваш удел против моего.

– Годиться. И твой двор в Твери, – уточнил я.

Он подумал.

– А ты что против него ставишь?

– Цену его.

Все в кабаке охнули.

– Согласен. Выходи, – сказал он.

– Только, если падёшь, съезжаешь со двора сегодня и оставляешь все припасы.

Он заржал, перекосил рот брезгливой гримасой.

– Не бывать этому. Я падал когда на кулачки? – Спросил он питухов.

– Нет! – Закричали все, кроме моих воев, и весело переговариваясь, пошли на выход.

Увидя моё замешательство, и боясь, что я выберу бесчестие, а не бой, князь сказал:

– Все слышите. Если этот щенок побьёт меня, я сегодня же

съеду со своего Тверского двора и оставлю ему все припасы.

– Пиши бумагу, – сказал я, – кто об этом узнает, когда ты сдохнешь.

– Тогда и ты пиши, – буркнул он.

* * *

Мы стояли друг против друга раздетые по пояс. Я свои кольца и перстни снял, а Борис, демонстративно подёргав впившиеся в сосиски пальцев украшения, развёл громадными руками.

– Можешь надеть свои, – сказал он пренебрежительно, потягиваясь и разминаясь.

Я тоже слегка размял шею, плечи и кисти рук.

– Без надобности, – сказал я. – С ногами?

– А то, как же, – осклабился князь. – Готов?

– Готов.

И мы пошли кругом, но он вдруг кинулся на меня, махнув правой рукой. Я поднырнул под руку, шагнул в лево и насадил его печень на моё правое колено, а потом, когда он нагнулся, очень быстро двинул основанием правой ладони по его носу, приподнимая голову и раскрывая его подбородок.

Продолжив движение левой рукой до его затылка, я, схватил его, и, потянув на себя и вниз, одновременно правой ладонью резко двинув его челюсть вверх и вправо. Тело его обмякло и опустилось на землю.

Все выдохнули, и кто-то сказал:

– Убили...

– Бывает, – сказал я, обводя глазами толпу.

Боевые холопы князя кинулись ко мне, но споткнулись о подставленные моими бойцами ноги, и были ими запинаны.

– Как-то... страшно всё... – сказал кто-то.

– Всё по правилам, – загомонили другие.

– Собирайте сотню, – сказал я своим бойцам тихо. – Сегодня ночуем в моем новом дворе. А я пока доем поросёнка.

Бойцы, абсолютно трезвые, вскочив на лошадей, разъехались.

Как мне объяснили доброхоты, в тверской усадьбе князя Микулинского, жила только дворня, холопы и ключница, – баба, хоть и вредная, но складная и аккуратная. Вся семья князя, жила в усадьбе в Микулине.

Пока я доедал обед, в кабак натолклось столько народу, что мне пришлось всё бросить и выйти. Все гомонили, обсуждая и пересказывая пришедшим увиденное.

– «Так и мне можно незаметно получить шило в бок, и никто не заметит», – подумал я, и вышел во двор.

Постепенно стали собираться мои вои. Они входили во двор, видели лежащее у ворот тело князя, потом меня, недоумённо подходили ко мне, и, похлопав по плечу, молчали.

Четверо боевых холопов князя пригнали телегу, и, погрузив тело, уехали.

Микулинское подворье сдалось без боя. Все холопы из неё выехали. Осталась только причитающая и хлюпающая носом ключница. Когда я подошел к ней, она заревела в голос.

– У меня работать останешься? – Спросил я без обиняков.

– Останусь! – Сразу перестав плакать сказала она.

– Как зовут то тебя?

– Фёкла.

– А меня – Михаил.

Мы закрыли ворота на дубовый засов, расставили часовых. Ещё было рано ложиться спать, и я осмотрел подворье. Ничего не обычного. Небольшая деревянная крепость. В центре – терем с высокой стрелецкой башней, к терему примыкают, связанные крытыми переходами хозяйственные постройки, в которых хрюкали, мычали и блеяли их обитатели.

Практически уничтожив запасы пива и мёда, сотня успокоилась к полуночи, и то, только тогда, когда я вышел на крыльцо и крикнул:

– Спать всем! Завтра в дорогу.

* * *

От Твери до Новгорода ехали значительно дольше. Не стали гнать лошадей. Два дня погуляли в Торжке, ещё два в Волочке, оставляя в корчмах наличные и слухи о богатом княжиче с лихой полусотней воев. Сорок человек мне пришлось оставить в Твери, охранять подворье. Погода стояла сухая. Привалили под открытым небом.

К Великом Новгороде мы прибыли на десятые сутки. Накануне, разбив лагерь у городских стен торговой стороны, я послал гонца к князю Шемяке, сообщить, что прибыл бояр-

ский сын Михаил Телятевский с грамотой от Великого Князя Московского Василия.

На следующее утро в наш лагерь прибыл гонец от князя Дмитрия и объявил:

– Просют пожаловать.

Взяв с собой для важности двоих стражей, я отправился вслед за гонцом в город. Ворота и торговый городок проехали спокойно. С взгорка открылся вид на мост через реку, крепостные стены кремля, а за ними – белокаменные стены новгородского Софийского собора.

Река Волхов была не более ста метров шириной. Этот берег был намного круче, чем противоположный, и к мосту спускалась довольно крутая дорога, проходившая через ещё одни крепостные ворота. Мост, деревянный, в две подводы шириной, дугой нависал над быстрым потоком реки. По реке шло активное движение плавсредств, подходивших и уходивших от крутого берега торговой стороны.

За воротами кремля нас остановил привратник. Гонец куда-то исчез, а нас провели в привратную комору.

– Сабельки, засапожни⁴ки, кистени, всё ложте сюды, – сказал главный вратарь, показывая на раскрытый сундук. Потом пошарил по нам руками, осмотрел грамоту и её футляр, понюхал.

– Степан, проводи, боярича, – сказал он, отдавая футляр с грамотой мне.

* * *

– Здрав будь, Великий Князь, – приветствовал я, Шемяку, войдя в княжьи палаты.

Князь сидел в деревянном невысоком кресле, укрытым бархатными покрывалами.

– И ты будь здоров, коль не шутишь. С чем пожаловал.

– Грамотку привёз от Князя Василия Васильевича, – ответил я, и передал одному из стоящих рядом со мной стражнику футляр с грамотой. Тот принял его не склонившись и передал князю.

Вскрыв печати и прочитав письмо, Шемяка хмуро посмотрел на меня.

– Знаешь, что писано?

– Откель? Мы – людишки простые. Что государи меж собой решают, то нам не ведомо.

– Да ладно, ты ведь к князю Ивану допущен, мог бы и знать.

– То – Иван, а то – Василий. Сказано – передать, я передал. Могу идти?

– Тут писано, ответ с тобой передать. Токма... Не знаю, как пишется слово ***. Через «у» или через «йу». Оно татарское, ты должен знать. Не подскажешь?

Я невольно улыбнулся хорошей шутке, но быстро согнал улыбку с лица.

– Татарским словам не обучен, княже.

Шемяка смотрел на меня прищулив левый глаз, и я чувствовал спинным мозгом, что он выбирает, сразу на кол ме-

ня посадить, или шкуру сперва содрать.

Я стоял ровно и спокойно, глядя ему в глаза. Его прищур почти полностью закрыл левый глаз, и мне ещё больше показалось, что он в меня целился своим правым, черным глазом.

– Наслышан я про тебя, боярыч. И под Кокшенгой проявил ты себя, и с Иваном сошёлся, и князя Микулина уложил, – с угрозой в голосе сказал он. – Не больно шустрый для лет своих? Скокмо тебе сейчас?

– Шоснацатый пошел, – «валяя ваньку» прошепелявил я. Князь удивлённо вскинул брови, а потом рассмеялся.

– Шоснацатый...

Отсмеявшись, он сказал:

– Знаешь... что Василий, воровством у меня Москву забрал? Что татар привёл и должен сейчас им мзду великую?

– Слышал.

– Веришь?

– Мне всё одно. Я решил к литовцам податься. Сотня у меня справная, мошна полная. Тут срач чужой разгребать и голову сложить...? Увольте. Наш князь с московским поручался, а не понимает, что, после тебя, следующим будет, – вдруг эмоционально бросил я. – А мне чо, разорваться? Отпусти меня, княже. Поеду я дале. Пока с орденом ливонским свары нет – проскочу. Учиться хочу.

Шемяка изумлённо смотрел на меня и слушал, раскрыв рот, потом резко его захлопнув, сказал:

– Ну, ты, паря, удивил. Всего ждал, но такого...

Он искоса смотрел на меня.

– Я поручение выполнил, – пояснил я. – Про то, что ответ доставить, уговора не было. Своим гонцом ответ шли, княже. Далее я свободен в своих помыслах. Обязанности служить у меня нет. Невесту отняли. Батька помирает. Чо мне тут делать? – Сказал я, и из глаза скатилась слеза, которую я склонив голову, попытался скрыть.

– Отпусти меня, князь. Я тебе дурного не сделал. Казнишь меня, горя не сделаешь никому, кроме батьки мово. А ты его знал, молвят.

– А я тебя не казню! – Сказал князь бодро. – Я тебя у себя оставлю.

– Отпусти меня, князь, на что я тебе?

– Так... О житье-бытье поговорим, что на Московии дется, скажешь... Скажешь ведь? – Он с улыбкой посмотрел на меня.

– Скажу, чо не сказать? С меня слово не брали.

– Вот и славно... Скамью княжичу! – Приказал он громко.

* * *

Мы проговорили с ним долго. Он расспросил меня про свадьбу Ивана, про мои сны, про Василия, про стояние под крепостью, про батюшку, проверил мои познания в греческом. Допрос он вёл так грамотно, что не будь и я неплохим специалистом в этом деле, не понял бы, как получилось так, что я раскрылся перед ним полностью. Я рассказал ему даже про свои черные мысли, посещавшие меня, когда я охранял

княжича Ивана.

– А он знал, что ты по ней сохнешь? – Он неожиданно спросил меня после возникшей на какое-то время паузой.

– Кто, «он»?

– Василий.

– Знал, как не знать. Батюшка давно сговорился с князем Борисом обженить меня на его дочери. Не важно на какой. А когда эта малявка... мне понравилась, сильно рад был. Сва-товство Ивана на ней отца мово и сломило...

– Политик, – сказал со значением князь Дмитрий, с уда-рением на последнем слоге.

– Понимаю, но мне каково?

– Знаешь, я отпущу тебя, – сказал он, внимательно вгля-дываясь в моё лицо.

– Спаси тебя бог, Великий Государь.

Я увидел, как он вздрогнул.

– Это по-гречески.

– Я знаю...

Он помолчал.

– Так вот. Я бы посоветовал тебе вернуться в Московию и подождать, пока я верну её себе взад. Ждать не долго. Ме-сяц-два. Скоро подойдут ливонцы. По зиме и двинемся на Москву. И Тверь станет моей. Ивану голову срубим... И об-женю я вас с Марией Тверской... А можно всё и быстрее сде-лать, – сказал он со значением в голосе.

– Как? – Вырвалось у меня.

– Потрава. Скорми обоим князьям порошок, что я тебе дам, и всё. Мария твоя. Она ведь ещё не порченная. Мала еще. До её пятнадцатилетия можно и пережениться, если Ивана не будет. А я вам вотчину отдам... Тверь возьмёшь?

Я стоял, поникнув головой. Потом поднял взгляд на Дмитрия.

– Слово даёшь?

– Даю.

– Не обманешь?

– Нет.

Я стоял, сложив опущенные руки перед собой и смотрел ему в глаза. Глаза не ввали.

– Я верю тебе, князь, – сказал я, и сделал маленький шаг к нему, чуть выдвинув вперёд свою правую руку раскрытой ладонью вверх.

Он поднялся с кресла и подошёл ко мне. Посмотрел на мою ладонь, и уверенно пожал её. Яд из моего перстня брызнул ему на ладонь.

– Не волнуйся так, – сказал он, растирая мой «пот» другой ладонью. – Вот это и есть «политик».

* * *

– Согласен. Это и есть настоящий «политик», – подтвердил я свои мысли, смывая яд с ладони. Хотя я и принял противоядие, но гигиену никто не отменял.

– Дайте пожрать, командиру.

– Чой то ты по-немецки заговорил, как от князя пришёл, –

спросил хитро десятский, поливавший мне из фляги, отдавая рушник.

– Заговоришь тут... У них этих немцев по городу ходит... Как собак. «Гав-гав-гав», «гав-гав-гав», токмо и слышно, то собака, то немец лают.

Все, рассмеялись.

– Садись, командир. Ешь кулеш. – Сказал Гринька.

Мы сидели на положенных на землю сёдлах и обедали, когда приехал гонец от князя Дмитрия Шемяки, и передал мне ответную грамоту, лежащую в том же футляре.

Утром мы выехали в обратный путь. Проскочив новгородские земли, по своим мы ехали не спеша. Доехав до Твери и переночевав на подворье князя Микулина, то есть у меня, мы двинулись на Москву.

* * *

– Я рад тебя видеть, Михась – сказал Иван, обнимая меня.

– И я рад. Здрав будь, Великий Князь.

– Привёз что от Шемяки?

– Привёз, сказал я, но боюсь Василь Василичу ответ Шемяки не по нраву будет.

– Читал, штоль? – Удивился он.

– Не-е-е... Спрашивал князь моего совета. Не знал, как слово пишется.

– Какое?

– ***

– Ах он паскудник, – засмеялся Иван. – А ты?

– А я, чо? Мое дело маленькое, отдал, забрал, привёз. К нему бы сходить. К князю Василию.

– Пошли. Занемог он вчера.

Пройдя по переходам из палат в палаты, мы вошли в покои князя Василия. Он полулежал на подушках, и привстал на звук открываемой двери.

– Кто тут?

– Сын ваш с бояричем Михаилом Телятевским.

– И уже князем Микулинским, – добавил Василий. – Пусть подойдут.

Мы подошли, а он помолчал.

– Молва волной катится впереди тебя от дел твоих, Михаил. Зачем Микулинского князя убил? Мог бы просто покалечить, или пришибить слегка.

– Так получилось, Василий Васильевич. Слишком он большой оказался. Упал неудачно и шею свернул.

– Ты ври, токма не мне, – засмеялся князь. – Упал... Шею ему сломал, вот он и упал.

Иван изумлённо смотрел на меня. Я посмотрел на него, пожал плечами и улыбнулся.

– Лыбится он ещё... – нарочито грозно сказал князь. – Слышал, что князь Дмитрий преставился наместни?

– Да, отколь? – Искренне удивился я. – «Как он так быстро узнал?» – подумал я.

– Тихо отошёл. Вчера в ночь. Что, зворый был, когда с тобой говорил?

– Да нет. Бодрый.

– Странно.

– Странно, – согласился я. – За сердце держался и всё потирал груди́ну левой рукой. А так... Бодрый был, – повторил я.

– Ну и пёс с ним, – сказал Василий, – чо он мне отписал хоть? Опять какую-нибудь пакость. Любит он глумиться... Любил, прости, Боже правый... Давай уже, читай, не томи.

Ко мне подошёл чтец, взял у меня грамоту и вскрыв её, обомлел. Он стоял рядом, и мы с Иваном видели, что там было... Нарисовано. Мы посмотрели друг на друга, и Иван закричал:

– Ах он собака! Охальник хренов!

– Что там, не томите. Не уж-то опять уд нарисовал?

Я засмеялся:

– Да, князь. А ещё он меня спрашивал, как слово татарское пишется. Через «у» или «йу»

Тут засмеялся и князь. По-доброму, мягко.

– Вот и нету, охальника, один только *** и остался от дел его.

* * *

– Что хочешь, за труды твои?

– Рязань, – коротко сказал я.

– Широко шагаешь, – сказал Василий Васильевич задумчиво.

– Посуди сам, великий государь. Иван Фёдорович, князь

Рязанский, то к ляхам склоняется, то к тебе. Скокмо раз ужо? Тулу, Берестье отдал Витовту⁵. То, Юрию помогал, то, тебе. И татарве продастся.

Я помолчал.

– Да и жить ему осталось недолго. А кто за его сыном Василием приглядит?

– Я тебе наказал за моим Иваном приглядывать...

– Приглядывать надоть за тем, кто пригляда требует. Кого воспитать надобно. А Иван ваш, здоровый князь, разумный. Да и вы ещё долго жити будете. А через три лета татары на нас пойдут, литвинами понукаемы. Там войско пора готовить.

– Какие литвины? Кого понукают?

– Улу-Мухаммед хана, кто выкормил? Витовт. И Сайид-Ахмада. Сайид-Ахмад, вообще, родился там, и натурально вскармливался в Литве. Литвины играют против нас и на севере, и на юге. Не трогал бы ты, Князь, север, пока. Пусть живут. Мы с Великим Новгородом хорошую торговлю ведем. Оттуда и металлы, и много что другое идет. Оружие. Не воевал бы ты с ними. Им дорога торговлишка. Они своего не упустят, и не будут воевать с тобой. А вот Литва с татарами...

– Ты кто такой, чтобы так говорить со мной? – Взбеленился Великий Князь. – Наслушался речей дурных вражых и мне дурь в голову вплетаеть!? Вот я тебя, – он замахнулся на меня посохом, но я стоял не близко, да и посох... так и

остался висеть в воздухе.

– Не испугался? – Спросил он.

– Чего мне бояться? Не за себя болею. За правду стою.

– Откель знаешь это? Молод вроде. Правду...

– Любопытный я. Давно сам учусь. Уши есть.

– Уши есть, да слышат не то... – Он помолчал. – Витовт нас всех выкормил. Царство ему небесное... Да и с Улу-Мухамедом у меня договор и обязательство перед ним... Кнут-ом бы тебя... поучить. Слишком дерзок и глуп. Учится он... А как воев готовить будешь? Чем народ кормить? В Рязани людишек хоть и немного: татарами побиты да усобицами, мором съедены, да и они есть хотят. Мы сейчас у них корм отберём, и вымрут они у тебя за зиму. А там, и татарин придёт...

– У князей и бояр в загашниках ещё прошлогоднее зерно лежит не проданное. Я лутче у них закуплю, и тебе отдам, а тамошний урожай в Рязани оставим.

Василий на меня посмотрел и спросил:

– Из своей мошны, чоли заплатишь?

– Да. А воев буду из народа делать. И возьму их на казённый кошт.

– Так тебе казны токма на два года хватит.

– Найду, чем пополнить. Корчмы казённые поставлю, и сам вино варить буду. Я доброе вино сварю, Князь.

– Сам то пивал ли? Доброе... – Хмыкнул он.

– Пивал. Хош угощу? – Была у меня бутылка коньяку.

- Я крепкое не пью. Да и в народе, только самые дурные питухи крепкое пьют.
- Моё попробуют, все пить начнут.
- Ну-ну... Далее говори..., князь Рязанский.
- В полон татарву буду брать, и заставлю засеки строить. Сам на татар пойду. Коней там захвачу... Множить коней буду.
- С засеками и с татарвой ты ладно удумал. Проверить старые засеки надоть, и построить, где татары попалили.
- Есть у меня и новые думки.
- А про смерть Ивана Фёдоровича? Опять во сне видел?
- Да, государь.
- И когда помрёт?
- Через четыре лета. Вслед за супругой.
- Так мож, тогда и возьмешь Рязань на стол?
- Поздно. Через четыре лета после того Саид-Ахмад на Рязань должен придти с большим войском. За восемь лет успею подготовить Рязанские земли и войско, а за четыре... могу не успеть.
- Ох и заумно плетёшь, Михась.
- По-другому, не получится – Великий Князь Всея Руси. – Сказал я, не обращаясь к Василию, а констатируя факт. И он меня понял. Вот, что значит, правильно расставить акценты.

Глава 3.

Я согласился взять Рязань на время, до совершеннолетия Василия, сына Ивана Рязанского, о чём была составлена грамота.

* * *

Мы стояли с Князем Иваном на краю кремлёвской горы и смотрели вниз на отведённый мне участок земли. Я выкупил в Кремле землю под место для подворья, пообещав Василию Васильевичу поставить лекарню и аптеку.

– И зачем ты не взял себе здесь, наверху? Красиво. Предлагал же батюшка.

– Сюда будет выходить верх крепости: красное крыльцо и терем, а подклети и хозяйство, все будут внизу. Конюшню, казарму построю. Башню и стену кремлёвскую. Кирпичную. Надо всем князьям, что в Кремле дворы имеют, приказывать башни поставить в стене кремлёвской, и за строительство стены пусть заплатят. Кирпичной.

– Так нет кирпича, Михась. Предлагаешь покупать у немцев? Казна пуста. А князя...

– Надо кирпич самим делать.

– Батяня, сказывал, что на Руси многожды раз кирпич выпекали, но не получался он. Утерян секрет. Ханы запрещали каменные дома и стены строить, вот и позабыли...

– Я знаю секрет выпекания. И глину не ту брали. Надо

из пресной, а не из гончарной. Могу попробовать. Мне бы, токма, место, где глину взять, и печь поставить. Я даже знаю где глины нужные лежат.

– Где?

– По дороге на Рязань село есть Калитное. Бают, там глины богатые. Мне бы то село в удел взять, мы бы свой кирпич имели, а не немецкий. Спроси батюшку, даст ли?

– Спрошу, Михась. А что за секрет кирпичный?

– Я тебе потом все расскажу и покажу. Если получится.

* * *

На обратном моём пути из Твери в Москву мы виделись с отцом. Самочувствие его было значительно лучше.

Он долго не мог поверить, что давнишний семейный земельный спор решён его сыном в его пользу. Когда ему сказал о том ключник князя Бориса, отец не поверил. Потом приехал я, и подтвердил, что княжество Микулинское – наше, показав ему, написанную князем Микулинским расписку. Отцу после моих лекарств явно полегчало. Он выздоравливал. Когда я уезжал в Москву, он всё переспрашивал:

– Верно, что скоро заберёшь меня отсель?

– Верно, батюшка. Вскорости поезд пришло. Если сейчас ехать... Двигаться мне быстро надоть. Не довезу я тебя в седле

Московский воевода, обрадовавшись начавшемуся выздоровлению отца, с радостью согласился разместить его у себя на время строительства моего двора.

Отправив сейчас поезд за отцом, я нашёл мастеров, и договорился о строительстве. Сам вбил колышки, разметив границы строений, отдал рисунки и схемы. Оставив старшине денег на лес и камень, я решил перед отъездом в Рязань зайти к «моему» ведуну.

* * *

– Здрав будь, дедушка, – сказал я, зайдя в горницу и крестясь на образа.

– А, боярич Михаил, – довольно спокойно встретил меня ведун. – Что привело? Хворь какая?

– Здоров, отче, слава Богу. Погутарить зашёл. Пива доброго принёс. Пьёшь пиво, отче? – спросил я с подковыкой.

– А чо ж не выпить? Пиво – питье богоугодное, день не скоромный. Седай.

Он взял с полки глиняные кружки без ручек, и поставил их на стол. А сам уселся рядом. Я налил пиво. Мы посидели. Помолчали. Выпили ещё по кружке.

– Сказывай.

– Ты нужен мне, дед. Хочу лекарню в кремле ставить, на своём подворье.

– В кремле? – Удивился дед. – Высоко шагнул, паря.

– Я Рязанское княжество на стол получил, от Князя Василия Васильевича.

Дед поперхнулся пивом и закашлялся. Постучав ему ладонью по спине, я продолжил.

– Людишки мне нужны для дел справных. Думки есть для

общества и для мошны полезные. Секреты лечебные «там», куда ты меня отправил, я познал. Как бы... тут такие настои сделать. Слишком уж обильно мрут людишки-то. Бабы рожать не успевают. Помоги мне, а я тебя не обижу. Вместе с сынами ко мне переходи. Чем они занимаются?

– Торговлишкой разной. Хотят, вот, кузню ставить, и скобянкойб торговать. Но не разрешают им... Грят, на кузнецкой стороне мест нет.

– Вот! – Обрадовался я. – Я договорюсь с князем. Кузню поставишь, а на моём подворье лавку скобяную, аптеку, лкарню. Князей лечить будешь.

– Мягко стелешь, княже...

– Ей Богу, не обижу. Не пожалеешь. Нужен ты мне, – повторил я. – Если не подведёшь, я и тебе хоромы поставлю. С Рязанью торговать будешь, на откуп бери любой товар.

– Иди ты!?

– Сам иди, – сказал я, и рассмеялся. – Я сейчас – Великий Князь Рязанский, а не фунт изюма, – произнёс я, и строго посмотрел на старика.

Он глянул мне в глаза, и как-то вдруг быстро, и неожиданно, бухнулся в пол лицом, ловко выкрутившись из-за стола.

– Прости, батюшка, Князь Михаил Рязанский. Не сразу-мел. Прости.

– Будет тебе, отче. Ты приказчиком у меня на подворье сможешь?

– Смогу, с Божьей помощью.

– Вот и сговорились. Я в Рязань завтра отъеду. Приходи ко двору воеводы московского, я тебя представлю его ключнику. За стройкой пригляд нужен. Сколь у тебя сынов?

– Восемь

– Скокма?

– И шесть дочек. Те замужние. И сыны с семьями.

– Орёл... – с уважением посмотрел я на деда. – Не хворые?

– Обижаеть...

– Звиняй, не подумавши ляпнул. И сколько вас всего?

Дед зашевелил пальцами и губами.

– Сорок восемь душ. Со мной.

– Это я славно зашёл, – пробормотал я. – Всех взрослых беру на службу, и на содержание.

– Спаси тебя Бог, Князь.

* * *

Ключник воеводы встретил меня, когда я вернулся от «своего» ведуна.

– От Князя Ивана люди приходили. Дважды. К себе зовут.

Я быстро дошёл до Хором Княжеских, и поднялся в покои. Стража уже пропускала меня, не спрашивая, «кто и зачем». Не путаясь в многочисленных переходах и лестницах, я нашёл покои Ивана. Там был и Князь Василий. Они с Иваном тихо разговаривали, склонившись головами друг к другу.

– Князь Рязанский, прибыл по указанию Князей Московских, – доложил я громко, щёлкая каблуками.

– Чем это он клацнул? – Спросил Василий.

– Толи зубами? – Предположил Иван. И засмеялся. Засмеялся и Василий.

Отсмеявшись, Князь Василий подозвал меня рукой, и указал на скамью, стоящую перед ними.

– Садись. Сказывай свой секрет кирпичный.

Я прошёл. Сел.

– Секрет простой. Глина должна быть не жирной, как гончарная, и не сухой. Глину надоть хорошенько вымесить, чтобы дух из него вышел. Тогда... Коды он выпечется, он не будет дырявый. Перед печкой сушить его надоть долго, но не на солнце, а в тени. А главное – печь правильную иметь. Вот и весь секрет.

– Весь секрет... – прошептал князь, – А про печь правильную, что знаешь?

– Знаю, княже, главное.

– Ну?

– В обжиге четыре важных дела: правильная укладка сырца на телеги, подогрев, нагрев, и охлаждение. Если всё делать в одной печи поочерёдно, много времени надо. И трудно жар контролировать. А если сделать печь, как длинную лежащую трубу, туннель по-немецки, и медленно протаскивать через эти три камеры телеги железные с кирпичным сырцом, то можно по десять тысяч штук в день кирпича делать. Я нарисовал такую печь. Жаль, Князь-батюшка, что ты не можешь увидеть.

Я передал рисунок Ивану.

– Чудно, – сказал Иван, глядя на рисунок.

– И у кого ж ты этот секрет выведал? – С усмешкой спросил Василий. – Али во сне привиделось?

– Слышал как-то давно спор двух немецких мастеров на Тверском путике, а печь недавно привиделась, как думать стал про завод-то.

– Ты и немецкий язык знаш? – Удивился Князь.

– Знаю немного.

– Отписываю тебе это село, Князь. Там всего-то пять домов осталось с жильцами... после чумы. И кладбище там чумное. Туда из Москвы моровых свозили. Надо тебе это?

– Надо не мне. Строить Москву надо.

– Если будет получаться, и большой завод будешь ставить, – помогу.

– Начну с малого, а там поглядим. Мошна моя деньгой Шемякинской полна, да и ты, Великий Князь, не обидел. Спаси тебя Бог.

– А за что Шемяка тебе мзду дал? – Удивленно спросил Иван.

– Купить он его хотел, чтобы нас потравой извести, – сказал за меня Василий. – Михаил эту деньгу мне хотел сдать, да я не принял. Ему сгодится. Планов у него громадьё. Дело молодое... Ты, когда жениться надумаешь, Михал Федорович? Кто суженная?

– Я, Великий Князь, удумал, что у тебя совета спросить

надобно. Не обессудь, коль дерзок кажусь тебе. Приму гнев твой и милость.

Я склонился перед ним на колени.

– Ты снова на колени, бухнулся? Вот, неймётся тебе! В чём тут дерзость твоя? Что под волю мою свой выбор отдаёшь? Нет тут дерзости. Есть разум мужа государственно-го. Сосватаем ему невесту, да, Иван? – Довольно произнёс Князь Василий.

– Сосватаем.

– Я скажу у кого невесту брать, а Ванятка дружком твоим будет. Невест рассматривать. И сватом. – Он посмеялся, а потом сказал серьёзно.

– Смотри, Михаил, если гордыня в тебе проснётся, гони её. Погубит, глазом не моргнёшь.

– Не возгоржусь, Батюшка Государь. Знаю, что на кону.

– Я почему тебе потокаю? Потому, что ни от кого таких желаний не услышал. А кирпич – это для Руси – жизнь. Скок-ма гореть городам можно? Пора ставить каменные стены. Орда рассыпалась – считай, пала. На Рязань завтрава выезжаешь? – Осведомился Василий.

– Так. С утра познакомлю своего приказчика с воеводиным, и в дорогу.

– Ишь ты! Уже и приказчиком обзавёлся. Шустёр.

– И людишек сорок восемь душ в довесок с ним. Ско-о-оро мне двор поставят в Кремле, людишки наёмные. Приказчик со своими сынами с них живых не слезет. Думаю, ден

через десять уже и хоромы стоять будут, и лекарня с аптекой. – Я засмеялся.

– Любо, Михаил. Лекарня с аптекой – это добре. Так и да-
ле иди. Скоро и сильно. Но бойся татарвы и тамошних кня-
зей. Не верь никому. Бояться – не грех. Грех – сгинуть по
дури. Трудно будет, но держись. Во мне опоры чуй.

Мы помолчали. Иван с жалостью посмотрел на меня, и
взял меня за руку. Я подмигнул ему, и улыбнулся.

– Ну, с Богом, Михаил Фёдорович. Я им всем там грамот-
ки отписал, – сказал Князь грозно. – Ноги повыдержаю, если
кочевряжится учнут.

* * *

Поутру, с третьими петухами, мой приказчик прибыл к
воеводиному двору со всеми своими сынами. Я, выйдя за
ворота, увидел их всех мирно сидящих прямо на земле у ча-
стокольной стены подворья.

– Ты что не шумнул меня?

– Боязно, – сказал ведун.

– Егор Фомич, – крикнул я ключника воеводы. – Тут они
все. К забору мнутя.

Ключник, важный и толстый, вышел за ворота, посмотрел
на мою дворню.

– Вот, Егор Фомич, это мои дворовые люди, это приказчик
мой... – Я понял, что до сих пор не удосужился узнать имя
«ведуна», но он помог мне.

– Феофан Игнатич, мы.

– Вот. Помогай им во всём, Фомич, пока я на Рязани княжить буду.

Егор с уважением поклонился мне и сказал:

– Рассчитывай на меня, Михал Фёдорович. И ты, Феофан, заходи, если что... Может работные людишки понадобятся... Подсоблю.

– Спаси Бог, Егор Фомич. И ты обращайся, коль лихоманка какая приключится.

– Так ты знахарь из-под Новгородского моста? Я ж был у тебя надысь. Не признал, звиняй.

– Нешто, бывает.

– Вот и ладненько, – я потёр руки, и крикнул, – Запрягайте хлопцы коней!

Тут у меня было пятеро бойцов, живших со мной в одном срубе, в подклети. Остальные должны уже ждать в Каменщицкой слободе за Яузскими воротами.

* * *

В Калитниках мы были через час. Всего в деревне сохранившихся дворов стояло пятнадцать, но жилыми были только пять. На лай собак из-за ворот одного из них крикнули:

– Кого Бог послал?

– Князь Рязанский Михаил. Где староста?

– Я староста.

– Отворяй ворота, хозяину, староста.

– У нас, навроде, Князь Московский Хозяин...

– Уже нет. Грамота у меня на земли эти, одарил меня Ве-

ликий Князь.

– Свят, свят, – слышалось из-за ворот тихо.

– Не бойсь, диду, – сказал я, открывшему ворота старику. – Не обижу. Разговор есть. Народ где?

– Та-а-ак... Кто где. Кто в огороде роблить, а хто кожи шьёт. Мы в основном сумами кожаными подорожными промышляем.

– Ну и как промысел, кормит?

– Да где там... Раньше получше было.

– Наверное, слишком крепкие сумки шьете, не рвутся, – пошутил я, похлопывая по своей.

– И то так, надо ба хужей шить – поддержал шутку дед.

– Подсоблю я вам. Работу денежную хочу предложить.

– Прямо так и денежную? – Хитро ухмыльнулся дед.

– Точно. И денежную, и надолго. Века на три хватит.

– Ну? – Изумился он. Не уж то, и нас услышал Боже Правый.

– Услышал. Буду здесь ставить завод по обжигу камня строительного из глины.

– Кирпича, штоль?

– Не только, – удивился я грамотности дедка. – Кровельного камня, труб печных, и много ещё чего. А ты, что про кирпич знаешь?

– Да много чего. Тут глины, как раз для кирпича и черепицы пригодные. Я когда малой был, батянька мой со товарищи ставили такую печь. И даже товар возили на Москву.

Но не нать он никому. Орда запрет наложила. Да и муторно из него дом ставить. Это ж, и известь, и перекрытия к нему. Зачем, если лес вон он. Положил бревно, вот тебе и пол хаты. Не продавался кирпич. Вон, батька крышу черепицей выложил, – сказал он и показал наверх.

Посмотрев в ту сторону, я улыбнулся, и мысленно себе заплодировал. Как я по косвенным признакам в исторических справках нашёл оптимальное место для кирпичного завода. Я пошёл на блеф.

– Знаю я, отче, эту сказку. Потому и пришёл к тебе. Великий Князь Московский Василий Васильевич поручил мне наладить обжиг кирпича на Руси – Матушке. И зело благодарен тебе будет, ежели ты пособишь мне в том деле. А уж я... Точно деньгой не обижу. От той печи осталось что?

– Осталось, кое что, но мы мигом всё поставим взад. И кирпич есть, и глины копаной и тертой там на много лет.

– Согласен управлять хозяйством моим? Я усадьбу ставить буду здесь.

– Спрашиваешь!

– Тогда завтра поедешь в Москву. В кремле найдёшь ключника мово, Феофана. Там мой двор у восточных ворот строится. Если в Кремле не будет, под Новгородским мостом его сыщешь, ведуна спросишь.

– Так... Знаю я его. Да и кто его не знает, Фофана то? Ещё батянька мой лечил у него стыдную болячку.

Я удивился. По виду Феофану годков семьдесят всего.

– А давно папая твой преставился?

– Так лет сорок как.

– Понятно, – задумчиво протянул я. Есть о чём попытаться «ведуна» ... Ох есть ... Плачет по нему костёр инквизиции.

* * *

До Переяславля – Рязанского, который сейчас назывался Рязанью, добрались без приключений за двое суток. Ехали быстро. Дорога была хоть и похуже, чем на Тверь, но по нынешним меркам – бриллиант. Правда, ближе к Оке дорога становилась жиже.

Лето заканчивалось. Убирали хлеба. Рязань завиднелась издалека. На правом высоком берегу Оки стояла деревянная городская стена с белеными въездными воротами. Подъехав ближе, я увидел толпу встречающих.

По простоте душевной я не придавал значения, что для столицы княжества приезд нового Великого Князя, – это событие историческое. Об этом напишут в учебниках и летописях. Я представил абзац из учебника истории за пятый класс, где будет написано: «Лета ****, такого-то дня, в столицу Рязанского Княжества со стороны деревни Шмаровки вошел молодой человек в жёлтых штиблетах. Носков под штиблетами не было».

Эта картинка так чётко встала перед глазами, что я, натянув поводья, чуть не перелетел через голову лошади.

– Гриня, – крикнул я, – спешиваемся и приводим себя в порядок. Морды, руки умойте, но сначала пыль всю выбейте

из одежды, и с сапог, а то, только грязь развезёте...

– Не впервой, – крикнул Гриня, который сейчас у меня был сотником личной княжеской дружины. Дружинников передал мне мой отец.

Прибирались около получаса. На одежде и сапогах пыли было не меньше, чем с палец. Вот бы я такой нарисовался под радостные крики встречающих.

Тронулись не спеша, не поднимая пыли. Уже на подъезде к воротам я слышал звуки гуделок, сопелок и каких-то иных духовых музыкальных инструментов. Проехав ворота, мы попали на площадь, где стояла толпа голосящего здравницы народа, впереди которой стояла знать с хлебом-солью. Из толпы вышел крупный мужик, в котором я узнал Рязанского Воеводу.

– Добро пожаловать в стольный град Переяславль Рязанский, Князь Михаил Фёдорович.

– Спаси Бог, Федор Иванович, – поблагодарил я, и обратился к народу, – Спаси Бог и Вас, жители славного города Рязани. Благодарствую за приём и слова добрые. Беру на стол Удел Рязанский по договоренности с Великим Князем Иваном Фёдоровичем, и обязуюсь, не жалея живота своего, беречь Рязань и Русь от ворога лютого.

Я поклонился в пояс, принял хлеб соль, и передал его Гриньке.

– Пройди, Михаил Фёдорович, в палаты княжеские, – сказал первый воевода и показал рукой направление.

В толпе слышались пересуды баб: «Дявись, маладый який», «Лепый», «Сурьёзнай». Мужская часть населения молчала, и с суровыми лицами теребила бороды. Не по нраву я им пришёлся, надо полагать.

Шли недолго. Каменный княжий терем стоял слева на взгорке, окружённый своей стеной из высокого частокола и рвом.

– Вот я и дома, – сказал я себе, поднимаясь по широкой каменной лестнице, через коридор склонившейся в пояс челяди.

– Умываться! – Крикнул я, скидывая сапоги, и проходя в покои, ступая по чистому полу босыми, грязными ногами.

– Баня готова, Михаил Фёдорович – услышал я голос сзади.

– Кто ты? Доложись.

– Ключник я, Федот Кузьмич, – на меня смотрел мужик, лет пятидесяти, широколицый, с крепкими скулами, окладистой бородой и густыми бровями. Взгляд у него был колючий.

– Федот Кузьмич, не обессудь, не ко времени париться да размываться. Солнце ещё на горе. Мне бы лицо, ноги да пот смыть с дороги. Да одёжку переодеть. И пойду с городом знакомиться. Лошадку мою вторую не распрягайте. Сумки внесите.

– Уже. Всё сейчас будет. Настя! – Крикнул он громко, – воду князю два раза и рушники для верха и низа.

Из левой двери выскочили девки с полотном, застелили пол и поставили две деревянных шайки с водой. Одну на пол, другую на скамью, туда же бадейку с жидким мылом. На скамью положили и рушники.

– Помыть? – Спросил Федот. – Девки расторопные.

– В другой раз, Федот.

Девки захихикали, стрельнув из-под лобья хитрыми глазами.

Все вышли, а я разделся, и, не боясь намочить половицы, славно вымылся. Достав из кожаных дорожных сумок чистую одежду, я переоделся в почти белый шёлковый наряд. Только шапка и сапоги были у меня красными. Расчесав, заботливо положенным на скамью гребнем, свои песочные кудри, и расправив плечи, я вышел на крыльцо.

– Гриня! Бери свой десяток, и со мной. Остальным – в баню, пока протоплена.

Взяв повод своей лошадки из рук Федота, и запрыгнув в седло, я выехал за ворота.

* * *

Воевода сидел по правую от меня руку на полатях в сильно прогретой бане, а боярин Пронский Иван Фёдорович по левую. Париться в одиночку я не стал. К чему искушать знать рязанскую.

Бани на Руси очень часто становились местом убийства неугодных. Что может быть проще подпёртой двери разогретой с лишком парилки. Прикрыл дверь и отдушины, – через

пару часов выноси тело. Или прикопай там же. И никто не узнает...

В мыльне сидели ещё три боярина: Василий и Семён Вердеревы и Иван Измайлов. Все, кроме воеводы, были парнями, возрастом чуть за двадцать лет.

Предварительно осмотрев баню, я пришёл к выводу, что здесь и проведу ознакомительное совещание с первыми людьми Рязани.

Баня состояла из нескольких помещений. Предбанник, который на первом этаже имел большой стол со скамьями возле него, и имел выход на второй этаж. Второй этаж простирался по всему подволоку первого этажа бани, и был заставлен лежаками.

В мыльне стояли шайки и бочки с водой, скамьи вдоль стен. На полках лежали: тёрки, скребки, мочала и мыло. В парилке, с очагом в центре и широкими полатами по трём сторонам, по обе стороны от двери стояли бочки с водой и ковшами, а на стенах висели разные распаренные веники, от которых шёл берёзовый, дубовый и еловый дух. Над очагом в потолке было отверстие для вытяжки дыма, которое сейчас было закрыто, и контролировалось моим сотником Гринькой. Вытяжка на втором этаже была закрыта в деревянную коробку трубы.

Почти вся сотня моих бойцов, за исключением стражников, была задействована в обеспечении «нашей» безопасности. Княжеская усадьба была огромной, и сотни бойцов едва

хватило, чтобы перекрыть территорию. Людишки в усадьбе мне были неизвестные, ситуация в Рязани тоже. Чем чёрт не шутит? Или меня захотят укокошить, или кого из бояр, чтобы на меня повесить жертву. Оно мне надо? Так начинать «столовать».

– Что Касим? Махмуд Казанский? Не озоруют? – Спросил я воеводу.

– С нами пока. От Казани нам сейчас толку мало. Их ногаи подпирают. Итильское левобережье совсем извели. Нам Казань сейчас не помощница. А вот Касим... За Большим Ителем сидит и брату своему Казанскому Махмуду не помогает.

– Понятно. Расскажи, Фёдор Иванович, чем живёт сейчас Рязань? Как и чем врага встречать собирается? Ведь придет же враг.

– Придёт, Михаил Фёдорович, – вздохнул воевода. – Засечную черту строим. От Оби уже почитай сто вёрст проложили. Годим пока. Туляки к нам тянут.

– Тулякам в оба конца тянуть, а вам в один. Чем приписные работные занимаются?

– Стену чинят. Руду болотную варят. Московский заказ. Зима скоро, новую скоро наберут, а эта ещё лежит.

– Дело нужное, но чем дольше она лежит, тем лучше для неё. Стену чините, засеку ставьте далее. Железо бросьте. Туляков не ждите.

– Великий Князь просил железа боле слать.

Я посмотрел на него. Помолчал.

– Великий Князь Василий Васильевич теперь меня просит, и спрашивает с меня. Потому, перечить не надо, – тихо сказал я. – Если есть резон, говорите, обсудим. С кондачка, я тут менять ничего не буду, но новое ждите обязательно. Я в Москве завод кирпичный ставлю. И здесь обязательно поставим.

Воевода молча качнул головой. Боярин сказал:

– Людишек мало.

– По последней сказке семь тыщ?

– Сёдни и того мене.

– А дружины ваши большие?

– Да куды там, воев по двести у каждого боярина. Не боле.

– Упарился я уже, – сказал я. – К столу пора.

– Мы посидим малеха... Да Федор Иваныч? – Спросил боярин воеводу.

– Сидите. Пойду ополоснусь, – сказал я и, вышел из парилки.

В мыльне никого не было. Быстро обмывшись, я накинул халат, и вышел в предбанник. За столом сидели бояре, и пили квас.

– С лёгким паром, Михал Фёдорович. Как баенка?

– Баенка? Хороша Баенка. И пар лёгкий, спаси Бог.

– Рубцы у тебя по телу... Вроде молод ещё, чтобы столько получить... Не бережёшь себя? – Спросил хитро Семён Вердерев.

– Берегусь... Не без этого. Но, как без ран в бою? Ежели,

токма, в шатре прозебаться... Ты тоже не обделён рубцами, Семён, а скокма тебе годков, двадцать три?

– Так, – сказал он. – А тебе, Князь?

– Шестнадцать завтра будет.

– Я и говорю... Силёнок ещё не набрал. Поберечься надо. Не вступать в сечи. А то ненароком... Как бы не сложил головушку.

Я посмотрел на него и сказал:

– Кому положено сгореть, тот не утонет. А на счёт возраста и силёнок ... В кулачном бою померимся.

Из мыльни вышли, напарившиеся и, видимо, наговорившиеся, воевода и боярин Пронский, и сели за стол.

– Разговор будет тайный, потому разливальщиков не будет. Сами управимся. Семён, не в обиду стольником побыть?

– За честь приму, Михал Фёдорович, – сказал он, и спросил с намёком, – Только сёдня?

– Как наливать будешь...

– Понял, – сказал он и наполнил серебряные кубки искристым и пузырчатым мёдом

– Здравы будем, – сказал я.

– Будем, – в один голос ответили они, и дружно выпили.

Семён сразу подлил каждому.

– Вот так дружно и дела бы деять, – сказал я, и помолчал. – Великий Князь зовёт Орду воевать.

– Какую Орду? – Спросил воевода. – Их сейчас много.

– Астраханскую. Хана Кичи Мухаммеда. Не одним, ко-

нечно, воевать. Вместе с Касимом и Махмудом.

– Не пойдут они. Махмуда сейчас ногойцы заедают, как гнус, а Касим без старшего брата не пойдёт.

– А мы их постараемся уговорить. Мне встреча нужна с Касимом. Он в Рязань часто ходит?

– Как в Звенигород8 засобирается за податью, так и заходит в Рязань. Он дань сам собирает. Не доверяет никому. Тут его подворье стоит. С последним поездом зерна поедет.

– Понятно, значит тут ещё, в Касимове?

– Тут! Куда ему деться. Со своими соколами зайцев да лис гоняет в степи. Любит он это дело. Предыдущий князь рязанский, Иван Фёдорович любил с Касымом соколов пускать.

– И я люблю. Отправьте к нему гонца с приглашением на охоту. Завтра же.

– Сделаем, Михал Федорович.

– К слову... Мы своё зерно тут оставляем. Я с Москвой из своей мошны рассчитался.

* * *

Спалось мне после баньки и мёда пенного очень хорошо. С зорькой встав, я сделал ежеутренний комплекс упражнений для тела и духа, спустился в мыльню и помылся. Утра уже становились прохладными. Близилась осень. А в бане было тепло.

Толстые брёвна и маленькие окошки со ставнями, закры-

вавшимися изнутри, не давали ей остывать. Да и очагу, обходившая двор стража, не дала загаснуть. На втором этаже спала караульная смена. Я распорядился устроить пока так, пока не построят баню при казарме. Дверь из парилки в мыльную была открыта, и помылся я в тепле.

– Нужен душ... – Подумал я, поливая себя из тяжёлого деревянного ковша.

В предбанник, где я одевался, зашёл ключник.

– Здрав будь, Михал Фёдорович. Какие будут указания? – Спросил он, с опаской поглядывая на меня.

– Спаси Бог, Федот Кузьмич. Ты писать, читать умеешь?

– Грамоте обучен, и нашей, и греческой.

– Тогда так... Заведём пластины деревянные с воском для письма, на которых я тебе буду писать то, что надо сделать. На стене ларь небольшой повесь. Там лежать будет. А ты на ней будешь помечать, что сделал. И трость⁹ не забудь приладить к доске. На веревке¹⁰. Кузнец есть на дворе?

– Нет, Михал Фёдорович. Все в ямщицкой слободе. По указанию, князя... – он глянул на меня.

– Это правильно. Чо просить хотел... Меня по батюшке называй только прилюдно. А так, зови – князь. Скажи всем. Неча воздух толочь. И поклоны, – только прилюдно. И то, не в пояс. И ещё всем скажи... Никого из людишек сгонять с работных мест не думаю. Коли хорошо дело будет правится, не трону, а коли нет – на конюшне поучатся. С тебя спрос будет особый. Провинишься, – не обессудь. Особо, ежели в

казнокрадстве, либо в чем ещё похожем пойман будешь. Как поймаю, сразу на кол. А уж потом...

Отчет о расходах будешь на такой же восковой пластине чертить, и Николке Фомину передавать. Моему порученцу. Челядь вся должна быть тверёзая. За воротами пусть хоть заляются. С запахом в урочный срок учую – запорю. И тебя и виноватого. И чтобы праздно ходящих видно не было. Всем, кроме тебя, передвигаться по двору бегом. Ежели порожние. Всё понятно?

– Понятно, князь.

– Добре, – сказал я. – Свободен. Да... Плотники есть?

Он качнул утвердительно головой.

– Сделайте два табурета с упором для спины, как у моего княжьего престола. К завтраму. Начните ставить такую же баню для служилых и дружинников. Так на так¹¹. Пристройте к «дружинной обители»¹².

– Сделаем, князь.

– Иди.

Федот вышел из бани, столкнувшись с моим сотником. Тот ждал снаружи, пока я договорю с Федотом.

– Строг ты, Михал Фёдорович, с людишками. Разбегутся.

– Пусть бегут. Ты догонишь.

– Догоню, – Гринька засмеялся.

– Готовься. Скоро к Хану Касыму поедем. Подбери самых крепких и телом, и духом. Татарва – будет обязательно насмехаться, и ждать нашего гнева, чтобы потом предъявить

обиду.

– Говорил ты уже...

– Не перебивай. Повторение – мать чего?

– Учения.

– Вот, выучил. Молодца. Продолжай натаскивать дружину на толкание лошадьми. Лошадь дура, чо ей предъявишь? Как поедем на охоту, надо сделать так, чтобы мы с ханом остались одни. Я сигнал дам, а ты отожмёшь от Касыма охрану. Они нагличать станут. В свары не вступайте.

– Понятно, князь.

– Остальное по расписанному. Покажи листы с уроком.

Григорий достал из висящей на плече сумки, типа планшета, обтянутую кожей деревянную папку с исписанными мной листами пергамента.

– Какой урок седня изучаете?

– Сабли. С утра к встрече с Касымом будем готовиться. Уже начали. А после обеденного сна – сабли.

– Хорошо. Приду посмотреть. Работайте с двумя саблями. Сон не больше двух скляниц¹³. Дал команду звонарю? Колокол и склянку¹⁴ с песком поворотную на караульной башне повесили?

– Так точно. С полудня бить начнём через две скляницы¹⁵.

– Молодец, по уставу отвечаешь. Устав с дружиной учить ежедневно. После вечёри¹⁶. Особенно по караульной службе. Иди. Позовёшь мне... А, не надо. Стоит уже.

Сотник вышел. Зашёл тайный приказчик. Завёл я в своей княжеской административной структуре такой чин.

– Здрав будь, командир.

– И тебе не хворать.

Николай Фомин, как услышал, что я назвал себя «командиром», в шутке под стенами Новгорода, так меня и называет, когда мы вдвоём, или при дружине. При народно – князь. Мне эта его осмотрительность понравилась, и я провёл с ним проверочную беседу. Мне он показался смекалистым. В меру циничным.

Я предложил ему должность начальника тайного приказа. Пока в единственном числе. Официально он уже месяц числится у меня, как порученец. О его тайной миссии никто не знает и знать не должен.

– Сказывай, что вчëра в бане воевода с боярами гутарили?

– Да ничего особенного... Токма, когда ты ушел, боярин воеводе говорит: «Он ненадолго тут, поэтому задницы перед Василием будет рвать и свою, и чужие».

– Правильно говорит, – засмеялся я. – И всё? Вроде долго сидели. Воевода то чо?

– Воевода крикнул, и стал себя веником так охаживать, что аж мне жарко стало. Я ж приоткрыл задвижку-то, а из дыры пар мне в морду как... саданёт.

– Травма на производстве, – сказал я тихо. А громко, – к лекарю загляни в городке. Есть повод познакомиться тебе с ним. Через него много, что про жителей узнаешь. Скажешь

ему, что я его позову, колено лечить. Но, потом. С чего начнёшь?

– Сегодня пойду по первому, ближнему к тебе кругу, как ты учил, Князь. Людишек здесь на дворе много. Ден за семь управлюсь. Пройдусь по городу. Послушаю. Сам поговорю.

– Много не плети. Не выдумывай. Про меня рассказывай нехотя, если спрашивать будут. Про удаль мою – можешь приврать. Без лихвы, токма. Обрати внимание, на тех, кто расспрашивать станет. Тебя бояре могут склонять на работу к себе, что б доносил про меня. Продавайся не скоро. Если тебя в оборот возьмут, через дён десять сдашься. Не ранее. Сам не напрашивайся. Но вид потом покажешь, что не решаешься, но хочешь мзду. Пусть три цены дадут.

– Понятно, Командир.

– Сильно не ври, а то сгинешь, и не найдёт тебя никто. Дело опасное.

– Понял, Командир.

– Не повторяйся. Не люблю.

– Есть,...

– Всё. Работай. Ко мне заходишь каждое утро и вечер. Ежели вдруг что-то сильно удивительное увидишь, и придётся следить в ночь, пришли любого мальчика с любым словом.

– Каким?

– Любым. «Покупаю лошадь», – на пример. Или: «нашёл интересные книги». Ты, кстати, высматривай книги с рисунками и описаниями мест, земель чудных и местных. Где что

в земле лежит. Про травы лечебные. Лекарные книги. Особо с разрезанными человеками.

– Свят, свят... И таки бывает?

– Бывает.

– А зачем тебе, Князь?

– Хвори лечить унутряные... Ты посмотри за теми дворовыми людишками, что со двора выходят. Куда идут, с кем встречаются. Всё. Ступай.

Мы вышли из «бани», ставшей на время моим кабинетом.

– «Надо приказную избу поставить с выходом прямо на улицу. Там и кабинет себе отвести», – подумал я.

Я так и решил. Нечего кому-то шлятся по моим палатам. Только узкий круг прислуги и охрана.

Осмотрев двор, и не увидев Григория, я подошел к привратнику и сказал:

– Ну ка стукни в железо. Одно послушаем, как играет.

Тот взял в руку висящий молоток и вдарил по толстому железному листу. Это я вчера распорядился повесить.

Вдарил он сильно, со всей «дури». Я пожалел, что стоял рядом. С тоской и морщась от звона в голове, я посмотрел на довольного парня.

– Молодец, сказал я. Так бей, токма, когда ворог перелазить частокол будет. В остальных случаях... Не горячись.

Прибежал Григорий. Увидев меня, скорчившего гримасу от болевого шока, он подскочил к парню и заехал ему в ухо. Парень удивился.

– Как сказано в уставе, надо звонить? Какие сигналы? А ты как?

– Мне сказал князь: «Стукни», я и стукнул. Кабы он сказал: «Позови сотника», я бы с переливом отстучал.

– Да, Григорий... ты это... тоже погорячился.

Григорий потоптался и сказал:

– Звиняй. С меня жбан квасу.

– Два, – сказал ушлый часовой, потирая ухо.

– Лады, – вздыхая, и глядя на меня, сказал Гринька.

Рукоприкладство я разрешил только после разбора, и то, разумное. Не «колечливое». А от такого удара в ухо и оглохнуть бойцу недолго. А свою дружину я буду беречь. Уже всех их привил от туберкулёза, от холеры, от оспы и от тифа.

Я похлопал одобрительно Гриню по плечу и сказал:

– Готовь сопровождение. Поедем по городу. Маршрут для конвоя укажу.

– Ты, князь, своими немецкими словесами, меня совсем запутал, – сказал сотник, ободрённый и повеселевший, от того, что моё наказание за удар в ухо часового его минуло.

– Путь, Гриня. Путь укажу. Охране своей.

Выехали через половину склянки¹⁷ после ухода первой проверочной группы. Впереди и сзади меня ехали по четверо дружинников конвойной команды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.